
Россия, Китай и США: Прошлое и будущее стратегического треугольника

Бобо Ло

Февраль 2010

Центр Россия/ННГ
При сотрудничестве с
Центром изучения проблем
безопасности, ИФРИ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ
© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2009
ISBN: 978-2-86592-670-1

IFRI
27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles
RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски

– Тимофей Бордачёв, «Грузия, Обама, экономический кризис: отношения Россия/ЕС в контексте последних событий», *Russie.Nei.Visions*, n°46, январь 2010;

– Андрей Цыганков, «"Западники" и "синофилы" во внешней политике России», *Russie.Nei.Visions*, n°45, декабрь;

– Доминик Фин, «Европейский союз в Грузии: "Восточное партнёрство" и политика урегулирования конфликтов», *Russie.Nei.Visions*, №44, сентябрь 2009.

Об авторе

Бобо Ло является старшим научным исследователем программы Россия и Китай в Центре европейских реформ в Лондоне (<www.cer.org.uk>). Ранее он возглавлял программу изучения России и Евразии в Королевском институте международных отношений (*Chatham House*) Великобритании, а также работал в качестве приглашённого эксперта в Московском Центре Карнеги. С 1995 по 1999 годы он занимал должность первого секретаря, а затем заместителя главы миссии в посольстве Австралии в Москве. Среди его предыдущих публикаций: *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics* [Ось удобства: Москва, Пекин и новая геополитика], Brookings Institution Press and Chatham House, 2008; *Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy* [Владимир Путин и эволюция российской внешней политики], Chatham House and Blackwell Publishing, 2003; *Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking* [Российская внешняя политика в постсоветскую эпоху – реальность, иллюзии и мифотворчество], Palgrave Macmillan, 2002.

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ПОНЯТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА.....	7
ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА РОССИЯ-КИТАЙ-США	9
Никсон и воплощение идеи стратегического треугольника.....	10
Ельцин и «китайская карта».....	12
ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА.....	15
Взгляд из Москвы	16
Взгляд из Пекина.....	19
Взгляд из Вашингтона	22
МНОГОСТОРОННЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ: НОВЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК?	26
АНАХРОНИЗМ КОНЦЕПЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА.....	29

Краткое содержание

На протяжении последнего десятилетия шло активное обсуждение нового мирового порядка, в котором на смену американской «однополярности» пришло бы более равномерное распределение сил между основными великими державами. Одной из таких идей был возврат к треугольнику Россия-Китай-США. На самом деле, эпоха таких упрощенных геополитических схем давно ушла в прошлое. Современная система международных отношений слишком сложна и взаимозависима, чтобы сводить её к примитивному стратегическому равновесию, что и доказал глобальный финансовый кризис. Наиболее вероятно, что на смену американскому глобальному лидерству придёт не «многополярный мировой порядок», в котором доминировали бы великие державы, а китайско-американская биполярность. Она станет не столько отзвуком холодной войны, сколько предвестником нового постмодернистского треугольника. При этом «третьей стороной» треугольника окажется не Россия, а различные формальные и неформальные сети, включающие государства-нации, многосторонние институты и негосударственных акторов.

Эта статья подготовлена в сотрудничестве между Центром Россия-ННГ и Центром изучения проблем безопасности ИФРИ.

Введение

Распространённое в годы холодной войны понятие стратегического треугольника вновь приобретает популярность. Ошибки внешней политики администрации Джорджа Буша и мировой финансовый кризис создают впечатление снижения влияния США и сдвига мирового центра могущества на восток¹. Впечатляющий подъём Китая в последние три десятилетия и возрождение России при Владимире Путине способствуют возникновению идей о новом мировом порядке, в котором на смену американской «однополярности» пришли бы более равноправные и гибкие отношения между великими державами. Одной из форм подобных отношений представляется новый треугольник Россия-Китай-США.

На первый взгляд, эти три государства являются естественными партнёрами в замкнутых трёхсторонних отношениях. Подобная поверхностная логика опирается на интерпретацию, согласно которой второе по величине ядерное государство (Россия) и самая быстрорастущая экономическая держава (Китай) создают противовес единственной в мире сверхдержаве (США). Следуя этой же логике, предполагается, что Москва и Пекин не ограничатся узким двусторонним союзом, а станут также искать контакты с Вашингтоном, причём каждый из партнёров захочет обеспечить себе максимальное влияние, умело маневрируя между двумя другими сторонами треугольника.

Доводы в пользу стратегического треугольника имеют исторические основания. С самого возникновения Китайской народной республики (КНР) в октябре 1949 года, понятие треугольника, включающего Советский Союз/Россию, Китай и США, занимало важное место в расчётах политиков, как на Востоке, так и на Западе. Особое распространение эта идея получила в 1970-е годы, после давшего начало развитию новых американо-китайских отношений визита американского президента Ричарда Никсона в Китай в 1972 году. Отошедшая с тех пор на задний план идея треугольника всё же нередко всплывает в том или ином великодержавном дискурсе.

В этой статье отстаивается мнение о том, что стратегический треугольник отжил своё. Даже во времена холодной войны его

Переведено с английского Натальей Киселёвой-Туде.

¹ K. Mahbubani, *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Power to the East*, Public Affairs, New York, 2008; P. Khanna, *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*, Random House, New York, 2008.

значение явно преувеличивалось. Сегодня адекватность этого концепта как ключа к пониманию отношений между крупными державами снижается в отношении обратно пропорциональном росту Китая как будущей сверхдержавы. Несмотря на улучшение ситуации в России в последнее десятилетие, в сравнении с Китаем она продолжает находиться в состоянии крайнего экономического упадка, не говоря уже о ещё большем отставании от США. Если России не удастся переломить тенденцию и начать движение к статусу современной крупной державы, интерес к ней Пекина и Вашингтона будет угасать. Стратегический треугольник Россия-Китай-США превратится в реликт истории.

Отсюда возникает вопрос о том, какой другой концепт может заменить идею треугольника. С наибольшей вероятностью, на смену нынешней возглавляемой США международной системе придёт не «многополярный мировой порядок», а новая китайско-американская биполярность. Менее ригидная, чем противостояние времён холодной войны, эта биполярность примет форму доминирования в мире двух сверхдержав, испытывающих как положительное, так и отрицательное влияние со стороны менее значительных государств и различных международных структур. Не исключено также и возникновение нового треугольника с чёткими постмодернистскими характеристиками. В отличие от его предшественников, «третьей стороной» в нём будет не отдельная держава, а скорее не имеющая чёткого определения масса формальных и неформальных сетей, включающих государства-нации, многосторонние организации и негосударственных акторов.

Понятие стратегического треугольника

Для начала необходимо определить понятие стратегического треугольника. «Стратегический» подразумевает здесь нечто большее, чем способность производить ядерное оружие или характеристики этого оружия (способность ядерного устрашения и т.д.). Это определение относится к общей способности страны оказывать влияние в различных сферах. Ядерный арсенал несомненно является стратегическим ресурсом, но таковыми же являются международный политический авторитет, экономическая сила, технологические достижения, культурное и нормативное влияние. Несмотря на то, что Германия и Япония не располагают ядерным оружием, их стратегическое воздействие не вызывает сомнений. Пожалуй, на сегодняшний день, их влияние на процессы принятия решений в мире превосходит влияние зачастую маргинализованной России, что с наибольшей наглядностью проявляется в рамках «большой двадцатки».

Говоря о целях и приоритетах, термин «стратегический» понимается как структурный, основополагающий и долгосрочный. Он противопоставляется термину «тактический», относящемуся к сиюминутным конъюнктурным соображениям. «Стратегический» означает мыслящий наперёд и планирующий, что отличает этот подход от реактивной политики или политики *ad hoc*. Этот термин также используется для подчёркивания особого статуса отношений. К примеру, Россия постоянно заявляет о своём «стратегическом» партнёрстве с Китаем, Индией и Европейским союзом (ЕС). И хотя, в силу избыточного использования, значимость этого понятия начинает стираться, оно может служить барометром оценки тенденций в двусторонних отношениях. Более того, в отличие от понятия «стратегического партнёрства», понятие «стратегический» как нельзя лучше подходит для описания взаимодействий между США и Китаем, США и Россией, Россией и Китаем².

Понятие стратегического треугольника также выходит за рамки трёхсторонних ядерных отношений. «Ядерный треугольник» Россия-Китай-США имеет сравнительно небольшое значение, учитывая значительный дисбаланс возможностей между двумя ядерными

² Настоящее стратегическое *партнёрство* предполагает сходные взгляды на мир (и место в нём каждого из партнёров), одинаковое восприятие двусторонних отношений и общность целей. Ни одно из трёх упомянутых двусторонних отношений не отвечает этим критериям.

сверхдержавами с одной стороны и Китаем с другой. Когда президент Ричард Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер создавали концепцию стратегического треугольника, они имели в виду треугольник в более широком смысле, основанный на равновесии супердержав и геополитическом расчёте в широком понимании³.

Почти все треугольники, а тем более стратегические, представляют собой скорее стремление, чем реальность. Например, Россия стремится не только разыграть так называемую «китайскую карту» в своих отношениях с Западом, но также использовать отношения с Японией, Индией или США для уравновешивания подъёма Китая, а отношения с Европой – для ограничения американского доминирования. Однако эти наивные и идеалистические схемы изначально обречены на провал. Настоящий треугольник требует наличия трёх сторон, которые, если и не равны, то являются достаточно сильными и достаточно вовлечёнными в трёхсторонние отношения, чтобы оказывать на них существенное влияние. В современной международной системе такого примера не существует.

³ См. Н. Kissinger, *Diplomacy*, Simon & Schuster, New York, 1994, с. 720-31.

Эволюция стратегического треугольника Россия-Китай-США

Стратегический треугольник между Россией, Китаем и США берёт начало в решении китайского лидера Мао Цзэдуна в 1949 году принять сторону Советского Союза против США⁴. Выбор Мао в некоторой степени был вызван идеологическими и историческими соображениями; он подтвердил существующие братские узы между советской и китайской коммунистическими партиями. Но главный его мотив всё же был практическим. Зависимость КНР от советской экономики и военной поддержки и отсутствие альтернативных покровителей – в последнюю очередь таким покровителем могла бы стать крайне антикоммунистически настроенная Америка – не оставляли ей большой свободы для манёвра. Впоследствии, Корейская война и военное вмешательство Китая на стороне Пхеньяна обеспечили вражду между КНР и США на два последующих десятилетия.

Однако китайско-американское стратегическое противостояние на тот момент помешало складыванию конструктивного треугольника между Москвой, Пекином и Вашингтоном. На то было по меньшей мере три причины. Во-первых, политика времён холодной войны была всецело ориентирована на двусторонние отношения между США и СССР. Огромный разрыв между политическими и военными возможностями двух сверхдержав с одной стороны и других, второстепенных, государств с другой стороны был причиной отсутствия главного условия стратегического треугольника – существования влиятельной третьей стороны.

Во-вторых, крайняя слабость Китая после «века унижений» со стороны иностранных держав⁵ едва ли позволяла ему проводить напористую – а значит дорогостоящую – внешнюю политику. Главные заботы Мао вынужденно были сосредоточены на внутренних делах: укрепление коммунистического режима; восстановление экономики, разрушенной десятилетиями гражданской войны и японской оккупацией; коренная перестройка социальных отношений. У него не

⁴ M. Zedong, «On the People's Democratic Dictatorship», speech commemorating the 28th anniversary of the Chinese Communist Party, 30 июня 1949, <www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-4/mswv4_65.htm>.

⁵ Китайский «век унижения» длился с конца первой опиумной войны в 1842 году до основания КНР в 1949. В этот период Китаю пришлось пережить тяжёлые испытания, вызванные внешними нашествиями и оккупацией, гражданской войной, экономическими, социальными и природными катастрофами.

было ни стремления, ни средств, необходимых для выполнения функции активного стратегического партнёра СССР в противостоянии США. Даже во время Корейской войны (1950-1953) Китай действовал больше исходя из собственных интересов (озабоченность безопасностью в связи с американским военным присутствием в Северо-Восточной Азии и идеологическая близость с режимом Ким Ир Сена), чем в поддержку Москвы⁶.

В-третьих, даже в период своего расцвета, китайско-советские отношения оставались проблемными. Напряжённость на политическом и личностном уровне всегда существовала между Москвой и Пекином, невзирая на зависимость КНР от советской помощи для национального восстановления. Эта напряжённость существенно возросла в конце 1950-х годов, достигнув своей кульминационной точки с решением Никиты Хрущёва об отзыве из Китая в 1960 году 1390 советских специалистов. Подозрения Китая относительно мотивов советских действий и презрение СССР к китайской отсталости (и неблагодарности) исключили любую возможность эффективной стратегической координации их действий против США⁷.

Как следствие этой напряжённости, понятие «треугольника» в первые два десятилетия существования КНР оставалось сугубо теоретическим. Если в этот период и существовал какой-либо треугольник, то это был треугольник взаимно отталкивающихся полюсов: Китай, Россия и США одинаково ненавидели друг друга на протяжении большей части этого периода. Возможность того, что одна из сторон использует другую с целью оказать давление на третью, казалась абсолютно нереальной.

Никсон и воплощение идеи стратегического треугольника

Идея треугольника начала реализовываться только после посещения президентом Никсоном Китая в феврале 1972 года. Этот визит отразил важные перемены в американском стратегическом мышлении. Под давлением войны во Вьетнаме, факта создания советского ядерного оружия и мощного антивоенного движения в США, Никсону было необходимо переломить ситуацию, и он усмотрел возможность сделать это, отправившись на встречу с Мао. Он

⁶ J. Fenby, *The Penguin History of Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850-2009*, Penguin Books, London, 2009, с. 366-68.

⁷ Существовало множество источников китайско-советской напряжённости, включая крайнюю личную антипатию между Мао Цзэдуном и Н. Хрущёвым. Одно из существенных разногласий касалось вопроса о том, в какой степени СССР должен участвовать в программе создания ядерного оружия КНР. См. J. Chang and J. Halliday, *Maο – The Unknown Story*, Vintage Books, London, 2006, с. 559.

рассчитывал на то, что зажатый с двух сторон СССР будет вынужден пойти на стратегические уступки в разных местах земного шара, включая уменьшение поддержки коммунистическому Северному Вьетнаму и ускорение подписания соглашения в переговорах по ОСВ (Ограничение стратегических вооружений)⁸. Никсон и Киссинджер почувствовали, что Китай готов к изменению своего отношения к США. Катастрофические последствия Культурной революции, эскалация китайско-советской напряжённости (включая многочисленные столкновения на границах в 1969 году)⁹ и потребность Китая в торговле с Западом, в его инвестициях и технологиях – всё это послужило факторами, способствовавшими переходу Китая от изоляционизма к более активной международной позиции.

Начало и середина 1970-х годов стали апогеем развития треугольника США-СССР-Китай. Китайско-американское сближение явно повлияло на изменение советской политики к лучшему в некоторых сферах. Москва перестала тормозить заключение соглашения по ОСВ, сыгравшего затем конструктивную роль в развитии общеевропейских рамок безопасности (формализованных в 1975 году в Хельсинских соглашениях). В целом, советско-американские отношения в 1970-х годах вступили в более спокойную и предсказуемую фазу, получившую название разрядки. Наличие неофициальной «китайской карты» послужило доказательством существования стратегического треугольника, хотя и крайне неравностороннего.

И всё же, оглядываясь назад, можно утверждать, что влияние треугольника в этот период было переоценено. Прежде всего, воздействие китайско-американского сближения на изменение поведения Советского Союза было, в лучшем случае, лишь частичным. В некоторой степени оно проявилось в сфере контроля за стратегическими вооружениями и европейской безопасности, чему свидетельствовало сокращение войск, размещённых на европейских границах СССР. С другой стороны, это воздействие практически не повлияло на наступление Севера во Вьетнамской войне и фактически содействовало победе Ханоя, ускорив вывод войск США. С концом войны, советское влияние в Индокитае значительно возросло, в ущерб как американскому, так и китайскому. Китайско-американское взаимодействие также не привело к сдерживанию советского интервенционизма в Африке, Латинской Америке и, позднее, в Афганистане. Между тем, в результате подписания договора ОСВ-I, СССР добился формального стратегического паритета¹⁰.

Во-вторых, треугольник, возможно, смягчил советскую политику в отношении США, чего нельзя сказать о политике на

⁸ H. Kissinger, *Diplomacy*, *op. cit.* [3], с. 713, 730-31.

⁹ Москвой даже рассматривалась возможность применения ядерного оружия в случае массового вторжения китайских сил. I. Sutyagin, «The Soviet-Chinese conflict of 1969» in *The Role of Nuclear Weapons and Its Possible Future Missions*, <www.otan.nato.int/acad/fellow/94-96/sutyagin/02-03.htm>.

¹⁰ J. L. Gaddis, *The Cold War*, Allen Lane, 2005, с. 212.

китайском направлении. К примеру, за сокращением советских войск в Европе последовала их передислокация на границы с Китаем. Здесь их число продолжало расти и достигло к 1980 году 45 дивизий, что стало явной демонстрацией роста напряжённости между СССР и Китаем. Следует признать, что после столкновений 1969 года китайско-советская враждебность не привела к новой военной конфронтации. К моменту визита Никсона в Пекин угроза войны уже миновала.

В-третьих, можно утверждать, что советско-американская разрядка произошла бы в любом случае. Её развитие могло бы потребовать большего времени, но этот процесс начался ещё до первого визита Киссинджера в Китай в июле 1971 года. Переговоры по ОСВ продолжались с 1969 года, и по многим существенным пунктам соглашение уже было достигнуто¹¹.

Наконец, стоит отметить, что влияние треугольника на советскую политику было краткосрочным. Решение Леонида Брежнева о вторжении в Афганистан в декабре 1979 года не только положило конец разрядке, но также подчеркнуло слабое значение «китайской карты» в широкомасштабных геополитических расчётах Москвы.

В итоге, можно утверждать, что влияние стратегического треугольника во времена холодной войны было ограниченным. Частично это объясняется его оборонительной направленностью. Москва стремилась минимизировать последствия китайско-американского сближения, в то время как Вашингтон и Пекин обратились друг к другу с целью поиска содействия в сдерживании советских амбиций. Однако основной причиной, по которой трёхсторонняя дипломатия не могла быть более успешной, было подавляющее преимущество военной мощи и международного веса двух сверхдержав. Прямое влияние Китая как стратегического карлика в биполярном мире было несущественным. Китайско-американское сближение могло стать – и стало – причиной того, что Москва начала действовать на международной арене с большей осторожностью, но оказалось неспособным вызвать серьёзные изменения в советской политике, на которые рассчитывали американская и китайская стороны.

Ельцин и «китайская карта»

Конец холодной войны прозвучал поминальным звоном для стратегического треугольника, а по мнению некоторых аналитиков,

¹¹ M. Macmillan, *Nixon and Mao: The Week that Changed the World*, Random House, New York, 2008, с. 291.

положил конец самому принципу реализма¹². Появление демократической, но слабой России, кажущееся неязвимым доминирование США и направленность основного внимания Китая на внутреннюю модернизацию позволяли надеяться на то, что будущая международная политика будет основана в большей степени на сотрудничестве, чем на соперничестве.

Однако 1990-е годы принесли немало неожиданностей. Несмотря на беспрецедентное стратегическое и нормативное преимущество США, идеи геополитического равновесия оставались популярными. Особенно в Кремле, где разочарование отказом США рассматривать Россию как «равноправного партнёра» привело к ожесточённым обвинениям в адрес Америки. Идея треугольника стала находить всё большую поддержку среди политической элиты, обеспокоенной крушением стратегической мощи России.

В ходе этого десятилетия зародилось понятие многополярного мирового порядка. Оно основывалось на трёх посылах. Во-первых, ориентированный на Америку мир был не только оскорбительным для России, но и неблагоприятным для её национальных интересов. Во-вторых, Россия была слишком слабой, чтобы самой бросить вызов «гегемонии» США, и поэтому нуждалась в союзниках. В-третьих, чтобы добиться значимой роли в международных процессах, лучшей тактикой России было бы выступить одновременно в качестве моста и противовеса между Востоком и Западом и, в особенности, между Китаем и США.

Эта логика привела администрацию Ельцина к развитию отношений с Китаем. В некоторой степени это развитие было мотивировано озабоченностью внутренними проблемами, связанными с нерешённым спором о границах и необходимостью взять под контроль поток китайских эмигрантов на российском Дальнем Востоке, а также со стремлением сохранить российский военно-промышленный комплекс путём увеличения продаж оружия КНР. Но важнейшей движущей силой улучшения отношений была надежда России на то, что Китай можно будет использовать как стратегический противовес доминирующей власти США. По сути, «многополярный мировой порядок в XXI веке»¹³, утверждающий преодоление геополитики времён холодной войны, стал средством возрождения стратегического треугольника.

Попытки Москвы использовать «китайскую карту» и возродить треугольник обернулись полной неудачей. Хотя китайско-российские отношения действительно улучшились, Пекин отказался играть роль удобного партнёра в «большой игре» администрации Ельцина. Скорее наоборот, в ходе этого десятилетия экономические отношения Китая и США осуществили качественный скачок, далеко опередив

¹² F. Fukuyama, *The End of History and The Last Man*, Penguin Books, London, 1992, с. 252-53.

¹³ «Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order», Москва, 23 апреля 1997, <www.un.org/documents/ga/docs/52/plenary/a52-153.htm>.

остающиеся скромными связи между Москвой и Пекином¹⁴. Между тем Россия, которой так и не удалось достичь возможности влияния на западную политику по ключевым вопросам, таким как расширение НАТО, постепенно отделилась от Запада.

В конечном счёте, треугольник 1990-х годов не сложился главным образом по той же причине, что и в 1970-х и 1980-х годах, то есть в силу явно неравноправных отношений между тремя сторонами. Роль наименее влиятельного игрока перешла от Китая к России, что никак не повлияло на ключевой недостаток треугольника. Подавляющее превосходство США, стратегический и экономический упадок России и прагматичный интерес Китая в большей степени к внутреннему экономическому росту, чем к геополитическому равновесию, привели к тому, что к концу прошлого столетия стратегический треугольник, казалось, потерял всякий практический смысл.

¹⁴ Несмотря на несколько возникших в 1990-х годах критических ситуаций, таких как военное противостояние по вопросу Тайваня в 1996 году и бомбардировка в 1999 году войсками НАТО китайского посольства в Белграде, в 2003 году Вашингтон и Пекин воспринимали свои отношения как улучшившиеся с 1972 года и даже считали их состояние лучшим, чем когда-либо в истории. S. Shirk, *China: Fragile Superpower*, Oxford University Press, New York, 2007, с. 239.

Возвращение стратегического треугольника

В последние годы концепция треугольника возникла снова как возможный ключ к пониманию международных процессов и, в особенности, отношений между Россией, Китаем и США. Рост популярности этой концепции связан с тем, что к осени 2008 года три страны оказались на более равных чем когда-либо в их общей истории позициях. Грубыми ошибками в Иракской войне администрация Буша способствовала созданию образа высокомерной и ослабленной Америки. Россия воспользовалась удачной для себя комбинацией резко подскочивших цен на нефть и сырьё, распространяющегося в Европе антиамериканизма, ослабленного и разделённого Североатлантического альянса и общего ощущения того, что центр мирового могущества сдвигается на восток. Впервые с 1991 года Россия смогла предъявить притязания на более значимую роль в международных делах.

Ещё большее значение имел ускоряющийся подъём Китая, начавший отражаться в становящейся более напористой внешней политике¹⁵. Большую часть 1990-х годов Пекин занимал осмотрительную позицию, почти полностью ориентированную на внутренние приоритеты, такие как экономическая модернизация и объединение Тайваня с материком. После азиатского финансового кризиса 1997-1998 годов Китай начал проявлять большую активность в региональных делах и усилил поиск по всему миру энергетических ресурсов и сырья, а также новых рынков для экспорта своих промышленных товаров. Однако только в новом столетии Китай по-настоящему начал расширять рамки своей внешней политики и действительно превратился во влиятельного члена международного сообщества.

В ситуации, когда США ослабевают, Россия возрождается, а Китай проявляет всё большую уверенность в себе, возрождение идеи стратегического треугольника не вызывает особого удивления. Остаётся всё же неясным, насколько реально её воплощение на практике. Чтобы понять это, необходимо проанализировать, насколько идея треугольника соответствует внешнеполитическим тенденциям Москвы, Пекина и Вашингтона.

¹⁵ С 2000 года рост ВВП Китая выражался в основном двузначными числами и достиг 13% в 2007 году, <http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/14/content_10658107.htm>. Даже с учётом воздействия мирового экономического кризиса, в 2009 году в Китае ожидается рост ВВП на 8-9%.

Взгляд из Москвы

Среди различных целей, преследуемых внешней политикой Москвы, преобладает одна: вернуть России статус мировой сверхдержавы. Практически это означает стать необходимым участником в принятии решений по всем серьёзным международным вопросам и заявить о себе как о «региональной сверхдержаве» внутри сферы своих «привилегированных» интересов на бывшем советском пространстве¹⁶. Одновременно с этим, режим Путина частично признаёт ограниченность влияния России: её возможности проекции мощи остаются несопоставимыми с теми, которыми располагал Советский Союз даже на закате своей истории.

Именно поэтому в ходе президентств В. Путина и Д. Медведева Россия стремится найти стратегических партнёров, которые помогли бы ей ограничить так называемую «гегемоническую» власть США. Мир, в котором первенство США не является «данностью», предоставляет другим державам большие возможности продвижения собственных интересов. Как и в 1990-х годах, цель создания многополярного мира является средством укрепления российского влияния путём кооптирования других сторон, также сопротивляющихся доминированию Америки. Многополярность, таким образом, является не только пересмотренной формой биполярности (Америка против остальных)¹⁷, но и попыткой установить альтернативный стратегический и нормативный консенсус, в котором Россия играла бы лидирующую роль.

Вслед за Борисом Ельциным, Владимир Путин выделил Китай как наиболее многообещающего в этом деле партнёра, на что имелось несколько причин¹⁸. Прежде всего, Китай - наиболее мощный и влиятельный из возможных партнёров и эти характеристики ещё более усилятся в случае, если ему удастся завершить процессы модернизации и трансформации в мировую державу.

Во-вторых, из всех кандидатов, образ мыслей Китая кажется наиболее близким России. ЕС не подходит на роль партнёра, поскольку сохраняет излишне тесные контакты с США (и слишком зависит от них), при этом он раздроблен и его политический вес на международной арене незначителен. Индия в какой-то момент

¹⁶ Л. Арон ввёл в обращение термин «региональная сверхдержава» для описания подхода администрации Ельцина к бывшему советскому пространству. См. «The Foreign Policy Doctrine of Postcommunist Russia and Its Domestic Context», in M. Mandelbaum (ed.), *The New Russian Foreign Policy*, Council on Foreign Relations, Washington DC, 1998, с. 34-42. Медведев говорил о «привилегированных интересах» в своём телевизионном интервью от 31 августа 2008 (<<http://news.kremlin.ru/transcripts/1276>>).

¹⁷ B. Lo, *Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking*, Palgrave, Basingstoke and New York, 2002, с. 108.

¹⁸ Несмотря на попытки Д. Медведева влиять на внешнюю политику страны, не подлежит сомнению тот факт, что основные решения принимаются В. Путиным.

воспринималась как возможный кандидат¹⁹, однако сближение Дели с Вашингтоном исключило этот вариант в обозримом будущем. Что же касается Китая, он разделяет с Россией недовольство поведением США и, похоже, во многом придерживается тех же ценностей: сильное государство, авторитарный капитализм, сопротивление западным нормам и практикам. Эта кажущаяся общность мышления особенно привлекает российских политиков.

В-третьих, этот выбор не лишён оборонительной подоплёки, выраженной в известном афоризме: «держи своих друзей подле себя, а врагов ещё ближе». Китай не является врагом России и их конфронтация маловероятна, но всё же Москва обеспокоена скоростью и масштабом роста Китая. Самопровозглашённое «стратегическое партнёрство» предоставляет возможность контроля и даже сдерживания амбиций Китая. Совместные усилия по урегулированию трансграничных потоков укрепляют безопасность Дальнего Востока России, в то время как взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) может способствовать смягчению потенциальной напряжённости между Китаем и Россией по вопросу о Центральной Азии.

Следует подчеркнуть, что заинтересованность Москвы в многополярном миропорядке и треугольнике объясняется пониманием собственного стратегического интереса, а вовсе не особыми чувствами к Китаю. Хотя Путин способствовал значительному улучшению двусторонних отношений, причина интереса Москвы к Китаю во многом остаётся неизменной с 1990-х годов. Этот интерес заключается не столько в самих отношениях, сколько в их использовании для создания противовеса американской власти и укрепления позиции России в первостепенных для неё отношениях с США и Европой. Москва заинтересована не в том, чтобы отвернуться от Запада, а в том, чтобы переопределить отношения с ним – от постмодернистской, правовой и институциональной модели ЕС перейти к более гибким традиционным понятиям, таким как «общеевропейская цивилизация» и «согласие великих держав». Запад продолжает оставаться для России главным ориентиром в стратегическом, политическом, экономическом, технологическом и цивилизационном планах. В более долгосрочной перспективе, Путин видит Россию в качестве третьего полюса в зарождающемся многополярном, а вернее трёхполюсном, мировом порядке. В этой перспективе Россия сохраняет отдельную, «независимую» стратегическую идентичность, балансируя между США и Китаем и оставаясь основным и равным партнёром для обоих. Осуществление этого плана означало бы создание стратегического треугольника в чистом виде.

¹⁹ В ходе своего визита в Дели в декабре 1998 года, занимавший в то время должность министра иностранных дел Евгений Примаков предложил ось Москва-Пекин-Дели. Недостаточный энтузиазм со стороны Китая и Индии не позволил реализовать эту идею.

Однако реализация этой идеи выглядит проблематично. Наиболее существенным препятствием является превращение Китая в уверенного в себе регионального и глобального актора и растущий дисбаланс в китайско-российских отношениях. Москва особо опасается сценария, по которому России была бы отведена роль младшего партнёра США и Китая либо одной из этих двух держав. Доминирование Китая – худший вариант развития ситуации для Москвы как по причинам безопасности (опасения относительно будущего Дальнего Востока России) и геополитики (доминирование Китая в Центральной Азии), так и сугубо психологически (необходимость приспособления к непривычной для неё низшей позиции).

Беспокойство Москвы вызывает также возвращающаяся уверенность США, которым при Бараке Обаме удалось в большой мере восстановить своё международное положение. Ощущение слабости Америки и силы России во многом начало рассеиваться с конца 2008 года, частично по причине смены администрации в Вашингтоне, но также в связи с серьёзными трудностями, с которыми Россия столкнулась в этот период. После военной победы над Грузией в августе 2008 года последовала дипломатическая изоляция России, вызванная катастрофическим решением о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Репутация России как надёжного поставщика энергии в Европу существенно пострадала в результате газового противостояния с Украиной в январе 2009 года. Более того, мировой финансовый кризис отразился на России сильнее, чем на какой-либо другой крупной экономике²⁰. Эти события пошатнули уверенность Москвы в самой себе и её надежду на возможное возникновение многополярного миропорядка, в котором ей отводилась бы главная роль.

Наконец, ориентация российской политической элиты на Запад также является серьёзным препятствием для эффективной трёхсторонней дипломатии. Эта ориентация выходит далеко за пределы исторической, цивилизационной или языковой близости. Чем больше Москва превозносит рост Востока и, в частности, Китая, тем сильнее она подспудно верит в сохранение доминирования Запада на международной арене. Россия твёрдо убеждена в том, что её наиболее жизненно важные интересы связаны с Западом. Едва ли можно считать простым совпадением тот факт, что нынешние задачи внешней политики Москвы почти полностью ориентированы на Запад: заключение нового стратегического договора по разоружению с Вашингтоном, укрепление доминирующей позиции России на бывшем советском пространстве, повышение её роли в строительстве системы европейской безопасности; предотвращение расширения НАТО и системы ПРО, усиление контроля Газпрома над экспортом газа и трубопроводами на западном направлении, а также

²⁰ Существует несколько причин слабой эффективности российской экономики. К ним относится, в частности, сверхзависимость от энергетического и сырьевого экспорта, что делает экономику особенно чувствительной к колебаниям мировых цен.

стремление к роли лидера и противовеса США в переговорах с Ираном по ядерному вопросу.

Взгляд из Пекина

Хотя Пекин разделяет заинтересованность Москвы в сдерживании американского доминирования, он не слишком стремится к основанному на соперничестве равновесию. Эта позиция отражает не столько кротость мировоззрения Китая, сколько осознание того, что участие в геополитических играх может ему дорого стоить. Большую часть последних трёх десятилетий Китай отказывался от какого бы то ни было соперничества с США. Сменявшие друг друга руководители Китая Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, как и сегодняшний лидер Ху Цзиньтао, считали своим важным достижением расширение рамок и улучшение качества отношений с Вашингтоном.

Существуют серьезные причины слабого интереса Пекина к стратегическому треугольнику. Главная из них – убежденность в том, что новый миропорядок представляет лишь отдаленную цель. Даже если репутация Америки ухудшается и её авторитету брошен серьезнейший вызов, её господствующее положение всё же не вызывает сомнений. США будут продолжать оставаться единственной сверхдержавой ещё как минимум несколько ближайших десятилетий. Поэтому китайские политики не видят для себя выгоды в противостоянии США или в заключении партнёрства с Россией в ущерб отношениям с Вашингтоном. Пойти на такие шаги означало бы для Китая скорее ограничение, чем расширение возможностей. Позиция Китая была сформулирована бывшим президентом Цзян Цзэмином на XVI съезде Коммунистической партии в ноябре 2002 года, когда он в своей речи коснулся 20-летнего периода «стратегических возможностей»²¹. Отсталость страны, требования внутренней модернизации и непривычность выдающейся роли на мировой арене объясняют особую заинтересованность Пекина в «гармоничном мире», позволившем бы ему сосредоточиться на своих основных приоритетах. Такие концепты как «мирный рост» или «мирное развитие» несомненно предназначены для создания привлекательного образа Китая. Тем не менее, они отражают и убежденность в том, что позитивная международная среда является жизненно необходимой для строительства стабильного, процветающего и влиятельного Китая.

Пекин со всей остротой осознаёт ограниченность китайско-российского партнёрства. Перспективы, интересы и приоритеты России и Китая в их двусторонних отношениях заметно различаются.

²¹ <http://english.people.com.cn/200211/18/eng20021118_106983.shtml>.

Иногда их цели совпадают, но зачастую этого не происходит²². Так, китайские лидеры понимают, что, в случае возникновения китайско-американского противостояния, политическая поддержка со стороны Москвы будет лишь формальной. Опыт последних нескольких лет открыто продемонстрировал настоящие приоритеты Москвы. Путин не только не провёл предварительных консультаций с Пекином, но даже не проинформировал его о своём согласии на развёртывание американских войск в Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 года. Он также покорно согласился с выходом США в 2002 году из Договора по ПРО от 1972 года. В целом, китайские политики и исследователи не питают особых иллюзий относительно прозападной ориентации российской элиты²³. Когда в отношениях Москвы с Западом возникают сложности, она разыгрывает карту «стратегического партнёрства» с Китаем и другими незападными акторами. Однако в случае улучшения отношений с США – как это произошло сразу после 11 сентября и происходит в настоящий момент в связи с «перезагрузкой» администрации Обамы – российско-китайские отношения отходят для Москвы на задний план.

Речь идёт не только об искренности намерений, но и о возможностях. Несмотря на улучшение российского стратегического и экономического капитала по сравнению с 1990-ми годами, Россия зачастую воспринимается скорее как удачливая, чем как великая держава²⁴. Для Китая Россия олицетворяет прошлое и остаётся в нём. Неспособность России развить конкурентоспособную, наукоёмкую экономику, основанную на знаниях, отводит отношениям с ней всё меньшую роль во внутреннем развитии Китая, за исключением поставок некоторых природных ресурсов (лесоматериалы, нефть, цветные металлы). Значимым фактом является резкий спад китайско-российского сотрудничества в таких ранее развитых сферах, как военные технологии, космонавтика и использование ядерной энергии в мирных целях²⁵.

Китай также отдаёт себе отчёт в изменении баланса сил в китайско-российских отношениях за последние 10-15 лет. Сначала, в 1990-х годах, длительное превосходство России/Советского Союза как старшего партнёра сменилось более равноправными отношениями, а затем сильнейшей стороной стал Китай. Россия всё ещё располагает тысячами единиц ядерных вооружений, в сравнении с китайскими несколькими сотнями, однако по всем остальным параметрам Пекин имеет значительное превосходство.

²² B. Lo, *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Brookings and Chatham House, Washington DC, 2008, с. 3-4.

²³ О чём часто упоминают китайские собеседники автора.

²⁴ Из бесед автора с китайскими исследователями, Москва, июнь 2008.

²⁵ Продажи оружия резко сократились с 2,4 млрд. дол. США в 2005 году до 200 млн. дол. США в 2006, после чего не было заключено ни одной крупной сделки. Участие России в китайской ядерной энергетике на сегодняшний момент сводится лишь к единственному объекту, поскольку Пекин, в поисках доступа к технологиям третьего поколения, развернулся к Западу и, в особенности, к США. Одновременно с этим, китайская космическая промышленность становится почти полностью отечественной. B. Lo, *Axis of Convenience*, *op. cit.* [22], с. 85-86.

Китайскую позицию можно кратко сформулировать как стремление «принять сторону силы». Хотя многие в Пекине считают, что США, даже при Обаме, пытаются сдерживать Китай, они всё же признают в них незаменимого партнёра. США представляют собой крупнейший источник передовых технологий; львиная доля (оцениваемая в 1,5-1,6 трл. дол. США) финансовых активов Китая инвестирована в США; они являются вторым по величине торговым партнёром Китая, сразу после ЕС; американские корабли косвенно обеспечивают безопасность китайских морских путей, через которые проходит 80% импорта нефти в Китай. Китай негласно признаёт, что могущественная Америка служит гарантом международной стабильности, в том числе и в Северо-Восточной Азии, где её присутствие обеспечивает контроль над Японией, способной занять националистическую позицию, не говоря уже о непредсказуемой Северной Корее. Уверенная – но не излишне самоуверенная – Америка является ключом к столь желанному Китаем «гармоничному миру»²⁶.

В целом, Китай преследует политику скорее «стратегического участия», чем «стратегического равновесия». Его стремление «дружить со всеми» полностью соответствует логике «гармоничного мира». Китай понимает, что многие в мире обеспокоены его подъёмом и опасаются его амбиций²⁷. Поэтому Пекин старается завязать отношения на Западе и вне его, как с развитым, так и с развивающимся миром. Рамки стратегического треугольника были бы слишком узкими и ограниченными для китайской внешней политики, отдающей предпочтение объемлющему, многовекторному подходу к международным отношениям. Этот треугольник вынудил бы Пекин к излишне обязывающему – и необязательному для него – выбору, в то время как мировая система находится в постоянном движении и Китай может позволить себе роскошь стратегической гибкости, поскольку все страны стремятся иметь его в качестве союзника²⁸.

В целом, в период после окончания холодной войны именно Китай получил наибольший выигрыш от политики стратегического треугольника. Отношения Пекина с Москвой и Вашингтоном стали значительно лучше, чем отношения между Россией и США, особенно в связи с ухудшением российско-западных отношений после 2003 года. «Стратегическое партнёрство» Китая с Россией продолжает расширяться, но без ущерба процветающим китайско-американским отношениям. С геополитической точки зрения, Пекин расширил своё влияние во всей Евразии, причём не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в таких ранее непривычных для него зонах, как бывшая советская Центральная Азия. Парадокс

²⁶ E. S. Medeiros, *China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification*, Rand, Washington DC, 2009, с. 35

²⁷ Возможно, это является главной причиной замены китайскими политиками термина «мирный рост» на более нейтральное «мирное развитие». S.L. Shirk, *op. cit.* [14], с. 108; B. Gill, *Rising Star: China's New Security Diplomacy*, Brookings, Washington DC, 2007, с. 8.

²⁸ К примеру, Пекину следует быть осторожным, чтобы не оказаться в ситуации прямой конфронтации с США в Центральной Азии.

заключается в том, что именно недостаточный интерес Китая к трёхсторонним отношениям позволил ему, путём разыгрывания одновременно российской и американской «карт», извлечь максимальную выгоду из стратегического треугольника, при этом избегая связанных с ним рисков.

Взгляд из Вашингтона

Отношение США к стратегическому треугольнику колеблется между безразличием, досадой, страхом и враждебностью. Давно миновали те дни, когда, в 1970-е годы США делали всё возможное для популяризации этого концепта. За последние десятилетия международный контекст изменился до неузнаваемости, а вместе с ним и американское стратегическое мышление.

Самым впечатляющим событием этого периода безусловно стал крах Советского Союза и последующая за ним неспособность России восстановить былой статус сверхдержавы. Практически в одночасье концепция стратегического треугольника потеряла всякий смысл. Хотя Россия и остаётся ядерной сверхдержавой, это имеет гораздо меньшее значение в мире, в котором произошли революционные изменения самой природы власти и влияния²⁹.

Теперь Вашингтон совершенно иначе воспринимает угрозу со стороны России, превратившейся из устрашающего стратегического соперника во всё более дисфункциональное государство, рискующее окончательно развалиться. В этих обстоятельствах, главная угроза для США и международной безопасности заключается в слабости России: устаревшие ядерные боеголовки, слабый контроль за экспортом оружия массового поражения, ультранационалистический и империалистический реваншизм и непредсказуемая внешняя политика³⁰.

В последние годы, агрессивное поведение Москвы на бывшем советском пространстве ввело в заблуждение некоторых наблюдателей, поверивших в возвращение России на мировую арену. Хотя Россия в некотором смысле и выглядит сейчас более угрожающей, немногие в Америке полагают, что её амбиции и возможности позволяют сравнить её с Советским Союзом. И если СССР несомненно являлся мировой державой, современная Россия в лучшем случае представляет из себя державу регионального масштаба, преследующую некоторые глобальные интересы.

²⁹ Как отмечает Гаддис, «способность вести войну больше не гарантирует государствам ни влияния в международной системе, ни даже продолжения их существования», J.L. Gaddis, *op. cit.* [10], с. 263.

³⁰ Z. Brzezinski, *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, New York, 1996, с. 87-98. По словам Бжезинского, крах Советского Союза привёл к появлению «чёрной дыры» в центре Евразии (с. 87).

Что, тем не менее, не означает, что её можно с лёгкостью сбросить со счёта. Решение администрации Обамы «нажать на кнопку перезагрузки» в отношениях между США и Россией отражает веру в то, что Москва всё ещё может внести конструктивный вклад во многие сферы, заботящие США – ядерное разоружение, Иран, Афганистан, нераспространение оружия массового поражения и европейская безопасность. Однако принципиальная ограниченность способности России проецировать свою власть за пределы собственного соседства – не говоря уже о том, чтобы делать это в соответствии с желанием США – означает, что Вашингтон не видит пользы (ни возможности) в стратегическом треугольнике или в других искусственных геополитических схемах.

Второй причиной слабой заинтересованности Америки в треугольнике является превращение Китая из региональной «глубинки» в новую сверхдержаву. Хотя Китаю ещё предстоит долгий путь до достижения уровня развития США, многие американцы всё же видят в нём главного «Другого» в международной системе. Некоторые в связи с этим предсказывают повышение напряжённости и возникновение соперничества в китайско-американских отношениях³¹. Другие, более оптимистично настроенные, полагают, что Пекин и Вашингтон могут успешно сотрудничать в решении региональных и глобальных проблем³²; подобные рассуждения лежат в основе широко обсуждаемой идеи о создании «большой двойки». При этом оба сценария предполагают существование в мире скорее двух, а не трёх полюсов. Они основываются на допущении, что Китай в ближайшее время станет достаточно могущественным и влиятельным, чтобы вступить в отношения с США на равных – идёт ли речь о партнёрстве, о соперничестве, или о том и о другом. Подобная ситуация значительно ограничила бы возможность России взять на себя такую роль, которая вернула бы актуальность стратегическому треугольнику³³.

В-третьих, после окончания холодной войны в Америке возрастает ощущение того, что старомодная геополитическая эквилибристика не применима к международной политике XXI века. В 1989 году, в наделавшем шуму эссе «Конец истории», Фрэнсис Фукуяма высказал идею о том, что мировое развитие пришло к завершению в связи с повсеместным распространением западных

³¹ Что отражается в мелодраматических названиях публикаций, таких как «Грядущий конфликт с Китаем» (R. Bernstein and R. Munro, *The Coming Conflict with China*, Vintage Books, New York, 1998) или «Китай: нарастающая угроза» (C. Menges, *China: The Gathering Threat*, Nelson Current, Nashville TN, 2005).

³² E.S. Medeiros, *op. cit.* [26], с. 213-20.

³³ Здесь необходимо вспомнить о тезисе Роберта Кагана об «ассоциации автократов» Москвы и Пекина и возникновении неавторитарного консенсуса как вызова Западу. Не говоря уже о сомнительности подобного теоретизирования, необходимо подчеркнуть, что Каган и подобные ему мыслители также формулируют парадигму *биполярности*. Они постулируют чёрно-белое противостояние автократий и демократий в борьбе за нормы, ценности и интересы, не подразумевающее политическое маневрирование, лежавшее в основе подхода Никсона и Киссинджера к стратегическому треугольнику в 1970-е годы. R. Kagan, *The Return of History and the End of Dreams*, Vintage Books, London, 2008, с. 53-80.

демократических норм и ценностей³⁴. Хотя в последующие годы триумфализм Фукуямы был опровергнут, остаётся общепризнанным мнение о том, что мир отошёл от характеризовавшего эпоху холодной войны соперничества между сверхдержавами. Международная система оказалась гораздо более сложной и разнообразной и упрощенческие геополитические схемы, такие как традиционная биполярность и понятие стратегического треугольника, теперь воспринимаются как устаревшие. Этот изменившийся интеллектуальный климат отражается и в современной терминологии, подчёркивающей взаимодействие вместо соперничества, взаимозависимость вместо геополитики и взаимовыгодные расчёты вместо игр с нулевой суммой.

И всё же, по всей вероятности, наиболее веской причиной отказа от идеи треугольника в США является простой факт доминирования Америки в международной политике после окончания холодной войны. Как уже упоминалось, эффективность стратегического треугольника предполагает приблизительное равенство трёх сторон, хотя бы настолько, чтобы каждая из них реально была способна повлиять на поведение двух других. Эти условия почти полностью исчезли после распада СССР. Рост превосходства (и самоуверенности) США привёл к свёртыванию трёхсторонней дипломатии в Вашингтоне. В тех случаях, когда Америке было необходимо привлечь другие стороны к поддержке её собственных интересов, она обращалась к своим союзникам по НАТО или к международному сообществу в широком смысле³⁵.

Ситуация остаётся таковой и сегодня. Трудности в Ираке и Афганистане пошатнули самоуверенность США и заставили их всё больше стремиться к распределению ответственности между союзниками и партнёрами. И всё же немногие в Вашингтоне ставят под сомнение мировое лидерство США. Невзирая на потерю ореола непобедимости и сильнейшие за последние 20 лет давление и напряжённость, которые испытывают нынешние руководители США, никто кроме них пока не готов взять на себя столь же обременительную ответственность. Китай неоднократно демонстрировал свою сдержанность в этом вопросе, а что касается России, то она уже давно вынуждена была выйти из игры по причине стремительного спада своего стратегического капитала.

Принцип многосторонних отношений администрации Обамы отражает, среди прочего, растущее в Вашингтоне осознание того, что мир действительно изменился и, в некотором смысле, стал более равноправным. Однако это осознание не означает готовности

³⁴ F. Fukuyama, «The End of History?», *The National Interest*, №16, лето 1989, с. 4. В этом же ключе Гаддис пишет о «глобализации демократии», отмечая, что количество демократий в мире увеличилось в пять раз во второй половине XX века. J.L. Gaddis, *op. cit.* [10], с. 264.

³⁵ Даже до пресловутой «коалиции воли» Дж. Буша, созданной во время войны в Ираке, существовала идея Бжезинского о транс-евразийской системе безопасности, руководимой США и поддерживаемой другими державами, в особенности Китаем. Z. Brzezinski, *op. cit.* [30], с. 208-209.

вернуться к более традиционным соглашениям между сверхдержавами, таким как биполярность, стратегический треугольник или «согласие великих держав». Основной вопрос заключается в том, каким образом действия США могут быть эффективными в сегодняшней в высшей степени глобализованной и взаимозависимой среде. Ответ на него подразумевает более продуктивные отношения не только с крупными державами, такими как Китай и Россия, но и с множеством мелких государств, международных институтов и негосударственных акторов.

Многостороннее стратегическое разоружение: новый треугольник?

Существует мнение о том, что новый треугольник может возникнуть в относительно специфической сфере стратегического разоружения³⁶. В защиту этой идеи приводится аргумент о том, что значительное сокращение США и Россией своих ядерных арсеналов при одновременном наращивании амбициозной ядерной программы Китая могут привести к относительному равенству трёх государств. Что в свою очередь приведёт к тому, что в будущем традиционно двусторонние переговоры по разоружению вынуждены будут включить ещё одну или даже многие стороны (такие крупные ядерные государства как Великобритания, Франция и Индия).

Этот аргумент не лишён определённой логики. В реальности же, перспектива создания основанного на ядерной тематике стратегического треугольника в ближайшее время представляется весьма маловероятной. Очевидное препятствие заключается в том, что Китаю потребуется ещё не одно десятилетие, прежде чем его ядерный арсенал по качеству и по размерам сравняется с теми крупнейшими резервами, которыми располагают Россия и США. На сегодняшний день Китай располагает лишь 35-40 межконтинентальными баллистическими ракетами³⁷. Что касается *развёрнутых* стратегических боеголовок, у Китая их насчитывается лишь 186, что значительно меньше, чем у России (2 287 плюс 2 047 нестратегических боеголовок) и у Америки (2 202 плюс 500 нестратегических)³⁸.

Вторая проблема носит скорее политический и психологический характер. Пекин заявляет о неприемлемости какого бы то ни было сдерживания развития его ядерного оружия. Идея сдерживания воскрешает в восприятии Китая призрак сговора Запада (в широком смысле этого слова), направленного на сдерживание его роста и недопущение реализации им своих легитимных притязаний, включая защиту национальной безопасности. По мнению Пекина, моральная ответственность за разоружение полностью лежит на «двух гигантах». Китайские возражения подкрепляются крайне слабой

³⁶ Эта тема обсуждалась на конференции «Стратегические позиции России и Китая в 2025 году», проведённой Ифри в Париже в июне 2009 года.

³⁷ US Department of Defense 2009 *Report on the Military Power of the People's Republic of China*, <www.defense.gov/pubs/pdfs/China_Military_Power_Report_2009.pdf>, с. 24.

³⁸ SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute) Yearbook 2009, <www.sipri.org/yearbook/2009/files/SIPRIYB0908.pdf>, с. 346.

вероятностью того, что другие ядерные державы второго плана, в частности Франция и Индия, могут связать себя каким-либо многосторонним соглашением.

Коммунистическое руководство также обеспокоено возможностью того, что ядерный треугольник наложит на Китай серьёзные обязательства, которые он не готов на себя взять. Хотя внешняя политика Китая становится более уверенной, проблемы безопасности остаются всё же весьма актуальными. Пекин продолжает отстаивать своё положение «развивающейся страны», имеющей право на определённые льготы. Этот подход отражается на его позиции на международных переговорах по климатическим изменениям, на его отношении к идее китайско-американской «большой двойки» и на ведении им коммерческих переговоров и обсуждении вопросов о доступе к рынкам. Учитывая нежелание Китая во всех этих случаях принять на себя присущую сверхдержаве ответственность, шансы на её принятие в такой экзистенциально важной сфере как ядерная безопасность можно оценивать как нулевые.

Остаётся вопрос о возможном ответе Китая в случае, если сокращения ядерных арсеналов России и США в какой-то момент намного превзойдут обсуждаемые на сегодняшний день пропорции. Ответ Китая на эту гипотетическую ситуацию заключается в выдвигании ряда условий, которые предоставили бы ему максимальную свободу действий. Так, очередное подтверждение министром иностранных дел Ян Цзечи поддержки Китаем «запрета и полного уничтожения ядерного оружия» сопровождалось уже ставшими привычными условиями, среди которых наиболее значимое место занимают «радикальные» сокращения ядерного арсенала России и США, принятие на себя *всеми* ядерными державами обязательства о ненападении первого удара, создание «международного правового инструмента, гарантирующего безопасность государствам, не располагающим ядерным оружием», отказ от планов создания противоракетной обороны и милитаризации космоса, а также создание международной конвенции о «полном запрещении ядерного оружия»³⁹.

Эти условия позволяют Китаю практически полностью снять с себя ответственность за ядерное разоружение и переложить её на другие государства. Даже если произойдёт невероятное и Россия и США согласятся на «радикальные» сокращения (в соответствии с китайской трактовкой этого термина), Китай всегда может оправдать наращивание своего ядерного вооружения несоблюдением других выдвинутых им условий: отсутствием обязательств о ненападении первого ядерного удара в стратегических доктринах России и США, планами США по противоракетной обороне, а также отсутствием международных соглашений, которые сдерживали бы не только

³⁹ «Foreign Minister Yang Jiechi Expounds on China's Policy on Nuclear Disarmament at the Geneva Disarmament Conference», пресс-релиз Министерства иностранных дел Китая, 12 августа 2009, <www.mfa.gov.cn/eng/wjdt/wshd/t578645.htm>.

существующие ядерные державы, но и «пороговые» государства, а также все страны, имеющие ядерные амбиции.

Шансы на выполнение хотя бы одного из этих условий оцениваются Китаем как крайне низкие. В этой связи, мечта Обамы о безъядерном мире оказала весьма слабый эффект на Китай. Идея сама по себе не нова. В 1980-х годах Рональд Рейган призывал к «реальному и эффективному сокращению мировых ядерных арсеналов и однажды, ..., к их полному устранению»⁴⁰. Что не помешало Рейгану стать самым активным пропагандистом ПРО и милитаризации космоса в виде программы звёздных войн.

С другой стороны, Китай, по всей видимости, не стремится к стратегическому паритету с Россией и США, даже в долгосрочной перспективе. Наращивание вооружений, необходимое для достижения столь амбициозной цели, обошлось бы катастрофически дорого и вынудило бы Китай лишиться ресурсов такие жизненно важные сферы как экономическое развитие, здравоохранение, образование и модернизация обычных вооружённых сил. Это противоречило бы также общему характеру китайской внешней политики, поскольку стало бы препятствием стремлению Китая к «гармоничному миру».

Значительно более правдоподобным выглядит стремление Китая к достижению такого уровня ядерного вооружения, который полностью исключит возможность нанесения США первого удара в случае возникновения военного конфликта между Китаем и США, к примеру, по поводу Тайваня. На практике это означает, что Китай стремится расширить свой арсенал межконтинентальных баллистических ракет по меньшей мере до уровня, превосходящего (остающуюся теоретической) возможность их нейтрализации американскими системами ПРО. Другими словами, Китай интересуется не трёхсторонний или какой-либо другой сугубо символический паритет, а реальная способность ядерного устрашения⁴¹.

⁴⁰ J.L. Gaddis, *op. cit.* [10], с. 227.

⁴¹ В этом смысле позиция Китая явно отличается от российской, связывающей требование стратегического паритета с сохранением своего статуса глобальной сверхдержавы.

Анахронизм концепции стратегического треугольника

Анахронизм стратегического треугольника был подчеркнут мировым финансовым кризисом, не только не ускорившим переход к новому многополярному миропорядку, но и продемонстрировавшим растущую взаимозависимость в мире и постоянство его опоры на сильную Америку. Был разрушен миф об «отделении» России и Китая⁴²; оказалось, что альтернативной экономической модели не существует. Это особенно верно для России. В дискуссиях о новой экономической архитектуре Москва играет весьма незначительную роль. Она пытается примкнуть к Китаю в критике международной финансовой системы, в частности, обвиняя в сегодняшнем кризисе США, при этом, по всей видимости, ей нечего предложить в качестве решения. Одновременно с этим, старый политический подход оказался оттеснённым на задний план целым рядом современных вызовов, с которыми особенно плохо согласуется принцип стратегического треугольника.

Центральное положение США на мировой арене было подтверждено сменой администрации в Вашингтоне. И если это ещё не означает возвращения к мировому господству 1990-х годов, результаты возрождённого американского влияния уже хорошо заметны. Совершенно очевидно, что Россия и Китай придают гораздо большее значение США, чем друг другу. Предсказывая на словах упадок Америки, на деле они подтверждают то, что США будут продолжать оставаться эпицентром внешней политики обоих государств ещё долгое время.

Как Москва, так и Пекин стремятся к привилегированному стратегическому партнёрству с Вашингтоном. Москва явно воспряла духом обнаружив, что многие неотложные приоритеты президента Обамы – стратегическое разоружение, Иран, Афганистан – предполагают в качестве основного партнёра именно Россию (а не Китай), которая, таким образом, получает надежду внести ощутимый и *признанный* вклад. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в последний год российская внешняя политика всё более ориентируется на Америку и приобретает геополитический характер. Поскольку экономические козыри России весьма сомнительны, её политические деятели, выросшие в культуре стратегического

⁴² Теория экономического «отделения» постулирует достижение новыми экономиками, такими как Китай и Россия, такого уровня развития, при котором они перестают зависеть от экономики США.

реализма, возвращаются к наиболее близкой и понятной для них концепции.

Пекин тоже сделал естественные выводы из становления Китая как державы с глобальным влиянием. С одной стороны, он пытается создать себе доброжелательный и безобидный имидж, подчёркивая «глобальную взаимозависимость» и «взаимовыгодные решения». С другой стороны, китайская внешняя политика становится заметно более решительной. Сегодня речь идёт не просто о «мирном росте», но «неизбежном росте». Развитие мощи Китая, вопреки американским трудностям, европейской слабости и разделённости и российской полуизоляции, способствует растущему ощущению наличия у него права быть настоящим стратегическим партнёром Америки в XXI веке.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах чётко выделяются две тенденции, открыто противоречащие принципу треугольника. Первая – это тенденция к биполярности, хотя и весьма отличающейся по своей природе от модели эпохи холодной войны, построенной на противостоянии двух сверхдержав. Вторая – это принцип многосторонних отношений, отражающий сегодняшний мир как более сложный, более взаимозависимый и более «демократичный», чем когда-либо в своей истории. Не только США испытывают заметный спад своего относительного (если не абсолютного) могущества; то же самое можно сказать о традиционных сверхдержавах в целом. Прошло то время, когда несколько империй могли совместно управлять миром в так называемом «согласии». Если крупные державы и продолжают играть ведущую роль, их способность воздействовать на других значительно сократилась. В подобной среде, стратегический треугольник – по меньшей мере в известной нам форме – становится пережитком прошлого.

Комплексная биполярность и постмодернистский треугольник

Нежелание Китая взять на себя груз международного лидерства указывает на отсутствие в ближайшем будущем перспективы новой китайско-американской биполярности⁴³. Его отказ от концепции «большой двойки» (не говоря о негативной реакции других крупных акторов) говорит о том, что в ближайшие несколько лет основной упор, по всей вероятности, будет делаться на многосторонних решениях и механизмах, конструктивном интернационализме и глобальном управлении. Восходя к статусу второй сверхдержавы, Китай не сможет избежать многочисленных проблем и препятствий – стремительно стареющее население, растущая ограниченность ресурсов, экономический дисбаланс, вызовы со стороны других держав и более мелких соседей. Это развитие безусловно не будет таким гладким и неотвратимым, как полагают некоторые аналитики.

И всё же, высока вероятность того, что в первой половине нынешнего века Китай достигнет статуса сверхдержавы. Хотя в середине первого десятилетия 2000-х годов предполагалось, что Китай достигнет стадии «среднеразвитого государства» к 2050 году, в настоящий момент многие аналитики сходятся во мнении о том, что Китай догонит США к 2030 году, если не раньше⁴⁴. Если Китай действительно станет сверхдержавой, в международной системе будут доминировать две страны, влияние которых далеко превзойдёт влияние ведущих держав второго уровня – России, Индии, Японии, Великобритании, Франции, Германии, Бразилии.

Однако главный вопрос заключается не в том, возникнет ли китайско-американская биполярность, а в том, какую форму она примет. Согласно распространённому на Западе мнению, разделяемому также и некоторыми китайскими исследователями, США и Китай с необходимостью станут стратегическими противниками. Это убеждение основано частично на историческом опыте, согласно которому две более или менее равных по силе империи (современных или древних) неизбежно вступали в соперничество друг с другом. Оно также подпитывается тем фактом,

⁴³ Как заметил известный знаток Китая Клинтон Дайнс: «Китай любит сидеть на переднем сидении, но не хочет управлять машиной», из беседы с автором, Шанхай, май 2009.

⁴⁴ Встречи автора в Пекине и Шанхае в мае 2009 г. Исследователь Цзинь Канронг (Jin Canrong) полагает, что мировой финансовый кризис ускорил этот процесс на 5-7 лет, выступление на Пекинском форуме, ноябрь 2009.

что США и Китай представляют весьма различные интеллектуальные традиции, ценности и даже цивилизации⁴⁵.

Подобные страхи могут быть обоснованными. Наличие многочисленных актуальных и потенциальных разногласий не может не привести к определённому стратегическому соперничеству, способному, время от времени, возрастать до опасного уровня. Однако не следует снимать со счетов возможность того, что китайско-американская биполярность примет более позитивную форму стратегического кондоминиума. Существует несколько причин для оптимизма. Во-первых, значительная (и продолжающая расти) взаимозависимость американской и китайской экономик представляет особо веский аргумент для сотрудничества Вашингтона и Пекина. Несмотря на призывы к переходу к СПЗ (специальные права заимствования), заменившим бы доллар как международную резервную валюту, в Китае понимают, что его экономическое богатство зависит от стабильности американской финансовой системы, от американских рынков и американских технологий. Поэтому Китай продолжает инвестировать десятки миллиардов долларов в американские казначейские бумаги⁴⁶. В свою очередь, США понимают, что здоровье их экономики – не говоря уже о политической и социальной стабильности – опирается на подобное поведение Китая.

Во-вторых, последствия эскалации американо-китайской напряжённости настолько опасны, что руководства двух стран вынуждены стремиться к поиску конструктивных отношений. В этой связи, расширение отношений между США и Китаем при администрации Буша представляет обнадеживающий прецедент. Несмотря на чересчур идеологизированную, неоконсервативную повестку дня по внешней политике, Вашингтон продолжал придерживаться прагматичного подхода к Китаю, основанного на прогрессе в отношениях, осуществлённом в годы правления Клинтона и Цзяна. Если оглянуться ещё дальше назад, поучительно в этой связи и наследие Никсона, который, несмотря на свои крайне антикоммунистические убеждения, инициировал прорыв в отношениях между США и Китаем. С китайской стороны, идеологическая антипатия не помешала Мао искать и достичь сближения с Вашингтоном. Другим источником стабильности может стать тот факт, что китайская имперская – или великодержавная – традиция главным образом интроспективна и консервативна⁴⁷. Нельзя сказать, что Китай не стремится к проецированию своей власти и влияния, но исторически он делает это с величайшей осмотрительностью.

⁴⁵ См. M. Jacques, *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*, Allen Lane, London, 2009.

⁴⁶ Китайские активы в ценных бумагах казначейства США возросли с 618,2 млрд. дол. США в сентябре 2008 г. до 798,9 млрд. в сентябре 2009, <www.treas.gov/tic/mfh.txt>.

⁴⁷ R. Terrill, *The New Chinese Empire – and What It Means for the United States*, Basic Books, New York, 2004, с. 2-3.

Однако наиболее убедительной причиной для оптимизма служит, по всей вероятности, тот факт, что новая биполярность, если таковая возникнет и когда бы она ни возникла, будет смягчена влиянием многих других государств и международных институтов. Взаимозависимость, подкрепляющая китайско-американское сотрудничество, основывается на гораздо более широкой взаимозависимости, поддерживающей выбор в пользу сотрудничества, а не конфронтации. Здесь снова показателен пример мирового финансового кризиса. Единственной истиной, проявившейся через кризис, стала не слабость контролируемого Западом экономического устройства, а невероятная степень взаимозависимости зачастую весьма различных экономик на планете.

США и Китай в будущем будут доминировать в международной политике, но не в рамках простой биполярности, а в сопряжённости с многими другими акторами. Геополитика сохранит некоторое значение, однако возникающий мир может оказаться более доброжелательной и позитивной версией анархии Гоббса: не «природное состояние», в котором сильный преуспевает, а слабый погибает, а такая среда, в которой доминируют получающие всё более широкое распространение сдержки и противовесы. Мы можем стать свидетелями появления треугольника нового типа – постмодернистского треугольника, – в котором третьей стороной будет ни Россия, ни какая-либо иная сверхдержава, но множество формальных и неформальных сетей, включающих государства-нации, многосторонние институты и негосударственных акторов. Такая система, несмотря на некоторую хаотичность, способна в гораздо большей степени приблизиться к яростно отстаиваемой Москвой и Пекином «демократизации» международных отношений. Более того, она будет основана на более равноправном и, возможно, наиболее устойчивом треугольнике за всю историю существования этого недостаточно изученного и понятого концепта.